

Андрей БИТОВ:

«Я УБИЛ И ВОСКРЕСИЛ СВОИХ ГЕРОЕВ»

Писатель закончил свою главную книгу, но продолжает работать

Очередное заседание творческой интеллигенции Харькова «Круг» совместно с книгоиздательским предприятием «Фолио» было посвящено встрече с Андреем БИТОВЫМ. Известный писатель, председатель российского Пен-клуба приехал в Харьков на презентацию своего нового четырехтомника. Из монологов калейдоскопа вопросов А. Битову и его ответов (показавшихся наиболее интересными, характерными) сложилась эта публикация.

— Андрей Георгиевич, в 60-е годы вы написали: «Хорошо бы начать книгу, которую надо писать всю жизнь. Ты кончишься, и она кончится». Прошло 36 лет...

— И вот вышла главная книга моей жизни. Сознательно или подсознательно, но так она и писалась. Начинается именно этими словами. А заканчивается сценой путча у Белого дома. Жизнь не кончилась. А книгу закончить и издать удалось. И почему-то мне, питерскому человеку, предложили это в харьковском издательстве «Фолио». Книга, состоящая из четырех томов, называется «Империя в четырех измерениях».

Когда-то развал империи стоил мне собственного собрания сочинений. «Молодая гвардия» выпустила только один том. На этом — все... С появлением рынка необходимость в такого рода литературе отпала. Я стал кормиться не от русских хлебов. Лекциями, переводами. Но когда книги русского писателя не выходят на родине, а рынок завален вульгарной литературой, это противостоит естественно. Я решил не жаловаться, а искать выход из положения. Стал издавать книги сам. Работал как редактор и дизайнер, наборщик и издатель. Сначала вышла одна книга, потом другая. А затем ко мне пришли издатели из Харькова во главе с А. Красовицким и предложили выпустить собрание сочинений. Сначала я отнесся к этому настороженно. Но к этому времени уже сформировалась «Империя в четырех измерениях». И все вышло так, как я ожидал. Хотя нет, не все. Ведь на гонорар я даже не надеялся, но впервые за последние пять лет его получил.

Знаю, критики все равно напишут, что Битов издал уже известное. Но это не собрание сочинений. Это, если угодно, история моей души. Именно в этом связь

между «Петроградской стороной» и «Пушкинским домом», «Кавказским пленником» и «Оглашенными» — как частями одной большой книги.

— На встрече с читателями вы сказали, что ваша первая книга стала сто первой. Как это понимать?

— В этом году исполнилось сорок лет, как я пишу. В Питере у меня вышла книжка в серии «Первая книга». А до этого на разных языках их было издано практически сто. Вот так сто первая и стала «первой». В писательской юности сорок лет назад я писал короткие рассказы сотнями. И сейчас нет-нет да и напечатают что-то на Западе.

— На Западе вас даже называют «советским Джойсом»...

— Все эти ярлыки попадают на обложку, скорее, не от литературоведов, а от рекламных агентов. Автора нужно представить, а книгу — продать. Так что многое в оценках моих книг за рубежом я воспринимаю как обычный рекламный ход. Хотя к серьезной литературе, наверное, меня причисляют справедливо.

— А как вы попали в журнал «Плейбой»?

— Я привез этот сюжет лет восемь назад с Филиппин. В прошлом году в Италии была опубликована первая глава. Вот тогда и возник «Плейбой», чтобы заключить со мной кабальное соглашение. Каждую из последующих глав надо было заканчивать в срок, постоянно находить новый поворот сюжета. Собственные навыки и формы работы надо было пересмотреть. Но скучно писать то, о чем ты уже писал. Надо уметь рисковать полным провалом. Не знаю, может быть, я и провалился. Но прорвался. Я закончил роман тем, что беспощадно убил всех героев. Но за 15 минут до прихода литературного агента пожалел их. И воскресил... — Возможно, мы никогда не

прочитаем эту вещь, права на которую принадлежат зарубежным издателям. О чем она?

— Об отце и сыне. Здесь главенствует сложная для сюжетного воплощения тема смертного греха. Наверное, в этом сочинении я себе больше позволил писать о прелюбодеянии. Эротика — довольно тонкое искусство. Ее всякий читает на уровне своего понимания. Но чем больше эротика, тем больше она отвлекает внимание от главного. То, что я написал, — скорее, пародия на наши представления об эротике.

— Как вы относитесь к тому, что критики причисляют вас к разным по значению и стилю писательским группам?

— За долгие годы меня ставили в разные ряды. Вообще это свойство русского сознания — искать пару. Сравнивать Москву с Питером, Пушкина с Тютчевым, Цветаеву с Ахматовой, Быкова с Битовым. Для меня же важно претендовать на исключительное место, т.е. делать что-то так, как не делает никто. На всякой писательской кухне можно услышать: «Старик, ты — гений». Я-то думаю, что надо говорить не о гениях, а о гениальных произведениях. Мало ли у гениев посредственных? Гениальность — это результат посещения Бога. Примерно об этом сказал Бродский: «Поэт — это завтрак Бога». Он не хотел расшифровывать смысл сказанного, считая: и так понятно. И унес с собой эту тайну. Может быть, и правда — понятней, если не объяснять.

Что же касается критиков, то большинство из них самоутверждается за счет крупных авторитетов. Это наиболее простой способ существования тех, кто пишет о литературе. Я же сужу о ней по очень простому принципу: плохо можно написать и случайно. Но хорошо написать по случаю невозможно.

Вообще писательские амбиции в русской литературе — явление особое. Лет тридцать назад, когда я учился на сценарных курсах, в нашем здании в лестничных пролетах на каждом этаже были натянуты сетки. Слишком много было разборок, кто гениален, а кто — нет. И в результате — попытки суицида.

— И многих гениев лишила таким образом русская литература?

— Могу назвать тех, кто выжил. Со мной на Высших сценарных курсах учились Резо Габриадзе,

Грант Матевосян, Владимир Маканин, Рустам Ибрагимбеков. Подбор был типичным для тех времен — кадры «из республик», не считая Урала и Питера, которые мы с Маканиным представляли. Но компания в результате подобралась хорошая. Мы жили в столице, получали по тем временам большую стипендию и смотрели взахлеб лучшие фильмы мирового кино.

— И в результате появились ваш сценарий «Заповедник» и фильм Анатолия Эфроса «В четверг и больше никогда»... Для вас и для режиссера, в общем, опыт необычный. Применим ли к кинематографу принцип, что случайный и хорошее кино снять нельзя?

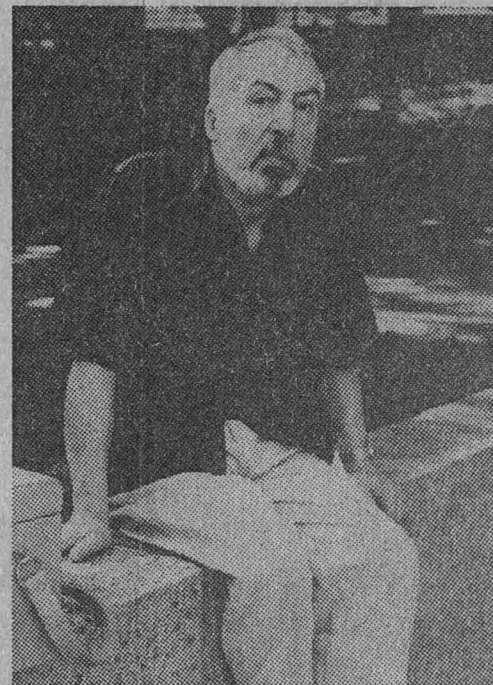
— В кино автором обычно признают режиссера, хотя и сценарист в фильме — не последняя величина. Когда же приходит сниматься большой актер, внимание переключается на него. «В четверг и больше никогда» — это фильм Олега Дала. Это спектакль, сыгранный в интерьере один раз и снятый на пленку. Так случилось, что из актеров и авторов этого фильма в живых остались только мы с В. Глаголевой. Умерли Эфрос, Смоктуновский, Даль, даже оператор, который погиб вместе с Л. Шепитко.

— Когда уходят близкие вам по духу люди, вы смиряетесь с неизбежностью утраты?

— Меня не оставляет чувство горя. Я не только закончил основную книгу своей жизни, но вынужден писать дальше. Новая вещь будет называться «Жизнь без нас» и будет опубликована в «Новом мире». Она как раз вызвана чередой смертей тех, кто был очень важен для меня в этой жизни. Но писал я ее в необычном для себя жанре стихопрозы. Это некая смесь мемуаров и стихов.

— Значит ли это, что для вас сегодня поэзия вышла на первый план? Как вы вообще относитесь к другим литературным жанрам — скажем, к авторской песне?

— Поэзия помогает прозе стать точнее. Авторскую песню

я терпеть не могу, хотя и сам когда-то певал, сидя у костра. Как явление, как вид поэзии я ее не понимаю, хотя существуют в этом жанре такие крупные личности, как Окуджава и Высоцкий. Для меня же авторская песня осталась в тех временах, когда ее воспринимали как фольклор. «Когда качаются фонарики ночные», написал Г. Горбовский в 1954 году, а «Товарищ Сталин, вы большой ученый» — Юз Алешковский примерно тогда же. Так что истоки этого явления гораздо глубже, чем об этом принято рассуждать.

— Вас сейчас довольно редко можно застать на родине. Вы любите путешествовать?

— Я стал «выездным» только десять лет назад. С огромной жадностью объездил полмира. Впечатлений, конечно, много. В том числе и от посещений республик бывшего Союза. Скажем, в прошлом году побывал в Эстонии. Оказывается, они очень строги к визитерам — такой осторожности я не видел ни в одной стране. Слишком дорожат, видимо, своей свободой, боятся, чтобы ее не нарушили. На Украине я с этим не сталкивался. И пограничники, и таможенники были снисходительны и тактичны. Сейчас многие мои коллеги испытывают ностальгию по тем временам, когда мы были «Союзом нерушимым». Но с новыми реалиями приходится мириться. Литература в конце концов пройдет через любую таможню. Забавно, что меня называют «русскоязычным писателем». Хотя наши писатели, если вдуматься, всегда делились на русскоязычных и косноязычных.

**Записал
Александр ЧЕПАЛОВ.**

**Фото
Григория БЕРЕМБЛЮМА.
ХАРЬКОВ.**